

3. Grube G. M. A. *Apology. Plato. Complete Works*, Indianapolis/ Cambridge, Hackett Publishing Company Publ., 1997, pp. 17–36, 37–48.

4. Monro D. B., Allen T. W., *Homeri Opera*, Oxford 1978, 1902, Tomus I. Iliadis libros I–XII continens.

5. Murray A. T. *Homer*, The Iliad, London, William Heinemann LTD Publ., New York, G. P. Putnam's Sons Publ., 1928, 1924.

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ (ДИСКУССИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ГОСУДАРСТВОВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.)**

Мошечков Евгений Николаевич, доктор философских наук, профессор

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, Российская Федерация, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, 27
E-mail: enm@inbox.ru

В статье дается всесторонний анализ взаимозависимости политической мысли и политической истории, существовавшей в дискуссии отечественной государственноведческой литературе второй половины XIX – начала XX в. Автор рассматривает работы ведущих российских ученых того времени, весьма активно и плодотворно обсуждавших эту тему на страницах своих произведений. Высказанные в то время идеи оказываются востребованными и современной научной мыслью, находящей в них немало ценных советов по современным текущим политическим событиям и научным теориям.

Ключевые слова: государство, власть, гражданское общество, история, политика, политология, право, собственность, личность

**THE INTERCONNECTION OF POLITICAL THOUGHT
AND POLITICAL HISTORY (DISCUSSIONS IN DOMESTIC
POLITICAL LITERATURE IN THE SECOND HALF OF THE XIX –
BEGINNING OF THE XX CENTURIES)**

Moshchelkov Yevgeniy N., D.Sc. (Philosophy), Professor

Lomonosov Moscow State University
GSP-1, 27 Lomonosovskiy av., Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: enm@inbox.ru

The paper provides a comprehensive analysis of the interdependence of political thought and political history that existed in the national debate of political literature in the second half of the XIX – early XX century. The author considers the work of leading Russian scientists of that time, discuss this topic in the pages of his works very active and fruitful. Made while ideas are popular and modern scientific thought, finding in them a lot of valuable tips on contemporary political events and scientific theories.

Keywords: state authorities, civil society, history, politics, political science, law, property, personality

Проблема взаимодействия (или соотношения) социально-политических идей и концепций, с одной стороны, и конкретных социально-политических условий, обстоятельств, в которых появляются и развиваются эти идеи, с другой стороны, всегда была одной из важнейших, базовых в самых разных философско-политических учениях.

Примечательной в этом отношении является дискуссия, которая развернулась в отечественной государственноведческой литературе во второй половине XIX – начале XX в. Споры велись по поводу формулировок предмета истории философии права,

научной дисциплины, которая во второй половине XIX в. стала центральным теоретическим предметом на юридических факультетах российских университетов.

Первые подходы к определению предмета указанной дисциплины, изучающей историческую эволюцию политических и юридических идей и учений, появляются уже в 1830–1840-х гг. в учебных курсах К.А. Неволлина и П.Д. Калмыкова¹. Если Неволлин обращает внимание на непрерывность и преемственность развития «философских систем» [12, с. 112], то Калмыков прямо формулирует предмет «исторической энциклопедии законоведения», суть которого есть «изложение постепенного развития общих, коренных истин права, от первого из обнаруженных до настоящего выражения в современных юридических памятниках вообще». В ходе этого изложения показывается, «как эти истины возникли, совершенствовались, развивались и достигли настоящего значения». Калмыков разделяет историческую часть энциклопедии законоведения на две части: практическую (историю политического права) и теоретическую (историю философии права). Теоретическую часть он называл еще «историей сознания мыслителей» и считал именно ее предметом своего курса [8, с. 1, 4–5].

По мере накопления опыта преподавания курса истории философии права в российских университетах все больше вызревала необходимость в осмыслении и научной формулировке предмета этой дисциплины, определения ее места в системе классических гуманитарных наук, ее роли в обучении студентов.

Впервые к проблеме определения предмета политической науки и истории политических учений подошел по-научному Б.Н. Чичерин. Во введении к своей «Истории политических учений» (1869) он разработал оригинальную теорию этого вопроса. В ней мы находим не только суть истории политических учений как науки, но также и то, что понимается под *политическим учением* как таковым, т. е. раскрываются внутренняя природа и конкретное содержание политической идеи, политического в его исторической эволюции.

Политическое учение, по Чичерину, это, прежде всего, учение о государстве [22, с. 5]. Но каковы элементы этого государства, какова его структура? Государство, по мнению Б.Н. Чичерина, состоит из четырех взаимосвязанных элементов: 1) общественная *власть* («необходимая общественная сила, подчиняющая себе силы частные»; «она дает обществу бытие, ибо без нее нет единства, нет целого, а есть только разрозненные члены» [22, с. 6]); 2) *свобода* (или «свободное лицо») «с его правами, с его интересами...» [22, с. 7]; 3) *закон* («общие правила, истекающие из разума и налагающие на человека нравственное принуждение или обязанность» [22, с. 7]); 4) *общее благо*, которое «состоит именно в гармоническом развитии и соглашении противоположных элементов общежития» [22, с. 7].

Отражение или осмысление каждого из этих элементов государства в политической мысли и обуславливает, по Чичерину, появление тех или иных политических учений и теорий. Но есть ли какой-либо порядок, закономерность в выдвижении на передний план в различные исторические эпохи определенного политического учения? Б.Н. Чичерин ответил на этот вопрос утвердительно: «Внимательное изучение политических теорий, – писал он, убеждает нас..., что все... разнообразие взглядов сводится к некоторым основным группам, которые постоянно повторяются в истории, а исследование самого содержания систем показывает, что эти группы соответствуют основным элементам государственной жизни» [22, с. 4]. Таким образом, Чичерин пришел к выводу, что «в истории политических учений мы встречаем четыре главные школы, которые возвращаются постоянно, в каждую эпоху развития политической мысли.

¹ Тогда у К.А. Неволлина этот курс назывался «История философии законодательства» и читал он его в Киевском университете, а П.Д. Калмыков под названием «Историческая часть энциклопедии законоведения» читал аналогичный курс в Петербургском университете.

Эти четыре школы можно назвать: общежительную, нравственную, индивидуальную, идеальную» [22, с. 8].

Уточняя свою теорию, Б.Н. Чичерин предостерегал от упрощенного его понимания в смысле буквального циклического повторения политических идей в мировой истории. Как истинный гегельянец, Чичерин представлял этот циклический процесс в виде восходящей спирали. По его мнению, истинный «закон исторического развития политической мысли» состоит в следующем: «Постоянное повторение в истории одних и тех же учений указывает на присутствие одних и тех же элементов, но не означает совершенного их тождества. Что прежде существовало в зародыше, то в последствии является во всей своей полноте своих определений. Общий закон развития вещей состоит в том, что из первоначального единства выделяются различия, и затем различия опять сводятся к единству»¹ [22, с. 10]. Следует отметить, что формулируя «закон исторического развития политической мысли», Б.Н. Чичерин видел в нем отражение более «общего закона развития вещей», всемирной истории в целом². «Человечество, – писал он, – отправляется от первоначального единства, развивает из него противоположные определения и опять сводит их к единству, стремясь к высшей гармонии жизни. История политических учений с поразительной ясностью и в малейших подробностях подтверждает этот закон, который один дает ключ к пониманию всемирной истории, а потому – к разрешению главных вопросов, занимающих человечество»³ [22, с. 11].

Примерно в то же время, когда Чичерин работал над первым томом своей «Истории политических учений», в Петербургском университете читал лекции П.Г. Редкин. Правда, его курс назывался «История философии права». Как Редкин определял предмет своего курса? Отправным моментом для такого определения была его классификация гуманитарного знания и идея взаимосвязи различных гуманитарных наук. П.Г. Редкин все гуманитарные науки делил на три категории: 1) науки юридические и правовые, 2) науки социальные и общественные, 3) науки политические или государственные [15, с. 35–36].

Все эти три категории, по мнению Редкина, тесно связаны между собой, и поэтому особенно важно определить связь между юридическими и политическими науками. П.Г. Редкин охарактеризовал эту связь следующим образом: «Науки политические или государственные могут в некотором, по крайней мере, отношении иметь и такой обширный смысл, что в их состав входят и науки юридические, ибо право, юридическая жизнь, входят в состав жизни государства вообще, есть одна из сторон жизни государственной, политической.

¹ Следует отметить, что примерно за десятилетие до Чичерина к мысли о необходимости выявления универсального в развитии политических наук пришел Д.И. Каченовский [9, с. 18–21].

² Один из теоретиков истории литературы того времени (дисциплины, по своим задачам во многом родственной и пересекающейся с историей политических учений), В.В. Сиповский так определил предмет своей науки: «Историей литературы мы назовем науку, изучающую ... произведения в их генетической и закономерной последовательности, ... изучающую простые и сложные явления литературной жизни, строящая законы, которыми обусловлено зарождение, создание и судьбы этих явлений» [20, с. 60].

³ Здесь нельзя не заметить очевидное совпадение идей двух независимо друг от друга творящих и стоящих по сути на противоположных политических позициях мыслителей XIX в. – Б.Н. Чичерина и К.Н. Леонтьева. Идеи о циклическом развитии политической истории Чичерина мы изложили выше. Теперь мысли Леонтьева: «Что такое процесс развития?... Этому закону подчинены и государственные организмы, и целые культуры мира. И у них очень ясны ... три периода: 1) *первичной простоты*, 2) *цветущей сложности*, 3) *вторичного смесительного упрощения*» [11, с. 68, 75]. Мысли Чичерина опубликованы в 1869 г., мысли Леонтьева – в 1875 г.

Но никак нельзя сказать и наоборот, чтобы в состав юридических наук входили и политические, ибо в состав юридической жизни не входят все стороны государственной жизни [15, с. 8–9].

Отсюда и многозначная трактовка Редкиным истории философии права. Эта дисциплина для него есть, прежде всего, юридическая наука, «хотя и не чисто юридическая, а вместе социальная и политическая» [15, с. 199]. Наиболее точное название своего курса П.Г. Редкин сформулировал следующим образом: «История философии права есть вместе историческая, философская и юридическая, общественная и политическая специальная наука» [15, с. 235]. Поэтому «полное и точное название или заглавие наших предстоящих лекций по истории философии права может быть выражено так: *История философии права, общества и государства в связи с историей философии вообще*» [15, с. 203].

Редкин выдвинул идею о том, что историю государственной мысли (теорию государства) можно научно изучать только в единстве социального развития. «Право, – писал он, – необходимо осуществляется в обществе и государстве; немислимо ни право вне общества и государства, ни общество и государство без права» [15, с. 309]. Тем самым наука под сокращенным и условным названием «история философии права» – это история философских теоретических учений и норм о взаимосвязанном и взаимообусловленном развитии правовых, социальных и государственных элементов человеческого бытия.

Б.Н. Чичерин и П.Г. Редкин в своих трудах определили основные направления интерпретации предмета истории философии права. Эти направления формировались, по сути, вокруг двух главных вопросов: 1) История философии права относится к философским наукам (к истории философии) или к политико-правовым наукам, государствоведению?; 2) История философии права – это только история идей, или это история идей в связи с историческими обстоятельствами, в которых они появляются?

Если в связи с первым вопросом в литературе конца XIX – начала XX в. высказывались различные точки зрения, формулировки, то вокруг второго завязалась настоящая полемика, которую условно можно назвать «диалог с Чичериным». И этот диалог был спровоцирован самим Б.Н. Чичериным, который в своих рассуждениях о предмете истории философии права как бы вышел за рамки своей гегельянской схемы «идейного циклизма». Так, Чичерин высказывает мысль о том, что в круг задач истории философии права должно входить и исследование действительных политических явлений, которые отразились в политических теориях. «История политических учений, – писал он, – занимает середину между ... философским ходом мысли и практическим развитием государственных учреждений» [16, с. 4].

Концепция Б.Н. Чичерина стала предметом критики со стороны других государствоведов того времени. Так, Г.Ф. Шершеневич считает, что у Чичерина наблюдается неопределенность и размытость предмета истории политических учений (истории философии права), выделяя в качестве главной причины этого оторванность теории от практической жизни: «Философы, – пишет он, – создавали идеальное право, не зная, что такое право в действительной жизни и как применяются его нормы» [24, с. 15–16]. Философия права (а значит, и история философии права) должна была стать наукой, соединяющей философию правовой и политической жизни с реальными условиями этой жизни, но, по-видимому, так ей и не стала¹.

¹ В отсутствии такой связи составители учебных программ по государствоведению видели существенный недостаток «Истории политических учений» Чичерина. «Сочинение Чичерина, – писали они, – которое приходится положить в основу ознакомления с предметом, при всех своих выдающихся достоинствах в смысле основательного и точного изложения отдельных учений, имеет тот существенный недостаток, что совершенно оставляет невыясненной связь излагаемых идей с жизнью и с историческим развитием» [19, с. 310].

Далее Шершеневич дает свое определение предмета истории философии права. Возьмем, к примеру, один из наиболее известных и неоднократно переиздававшихся его курсов истории философии права Г.Ф. Шершеневича. Предмет этого курса определяется автором следующим образом: «История философии права имеет свою задачу изложение последовательного образования представлений о правовом порядке в его сущности и в идеале» [23, с. 20]. Шершеневич, видимо, сознательно ввел в дефиницию предмета истории философии права такое неопределенное понятие, как «правовой порядок», потому что в него можно по сути вместить все многообразие правовых, философско-политических и социальных идей.

Содержание самого курса Г.Ф. Шершеневича как раз и свидетельствует о реализации такого замысла. В ней собраны достаточно полно и всесторонне не только правовые, но и философско-политические идеи и взгляды всех наиболее крупных мыслителей от древних греков и римлян до Гегеля включительно.

В государствоведческой литературе конца XIX – начала XX в. встречаются и работы, специально посвященные проблеме предмета истории политических учений. Автор одной из таких работ А.С. Алексеев с критических позиций проанализировал концепцию Б.Н. Чичерина по данному вопросу. Положительным моментом этой концепции, по мнению Алексеева, является то, что она внесла «в изучение истории политической мысли идею закономерного развития» [1, с. 470]. В соответствии с этой идеей, подчеркивал он, «задача истории политической мысли заключается ... в раскрытии того внутреннего закона, который управляет сменой отдельных политических теорий, и в выяснении той логической нити, которая связывает их между собой» [1, с. 470].

Но у концепции Чичерина, по мнению А.С. Алексеева, есть и серьезный недостаток. Он заключается в том, что в рамках данной концепции эволюция политической мысли сводится лишь к процессу порождения одной политической теорией другой, и тем самым игнорируются иные факторы, влияющие на развитие политических идей. По мнению Алексеева, правильно будет рассматривать политические идеи не только как результат философского процесса, но и как продукт многосложных исторических причин [1, с. 472]. Не правильным, считал А.С. Алексеев, является такое положение, когда «политические теории изучались сами по себе, а государственные учреждения сами по себе», когда «ученые, занимавшиеся историей политической мысли, не считали нужным обращать внимание на условия государственного быта, а исследователи государственных учреждений игнорировали политические теории»¹ [1, с. 472].

Таким образом, предмет истории политических учений (или теорий) Алексеев определял как совокупность двух важнейших компонентов: 1) закономерность, логическая нить исторического развития политической мысли как всемирный процесс; 2) связь политических теорий и политической истории, «теорий государства в их исторической последовательности» с конкретно-историческими условиями «государственного быта», «с нравственным складом народа», «с экономической обстановкой», с «политической атмосферой», т. е. со всей совокупностью объективных условий, в которых появились эти теории. [1, с. 465, 471, 475] Причем связь эта является двусторонней: влияние политической теории на политические порядки и наоборот.

Близко к трактовке А.С. Алексеева предмета истории политических учений (истории философии права) примыкает позиция Е.В. Спекторского. Он считал, что история философии права, «как составная часть истории этической философии, входит в историю культуры, именно в историю духовной культуры ... Она не может давать простой перечень имен и сочинений с кратким пересказом их содержания. Не может она также давать, так сказать, портретную галерею философов, характеристику их

¹ Примерно в этом же ключе Шершеневич сформулировал задачу, стоящую перед историей философии права: «При изложении воззрений какого-либо мыслителя история философии права обязана обратить внимание на исторические условия, при которых появляется философское учение, на индивидуальность его создателя, на соотношение между новым и предшествующими учениями» [23, с. 21].

личности и творчества, давать портреты философов, оторванные от окружающей их обстановки и от исторических условий, вызвавших их учения. Она не судит философских учений. Она просто старается понять и объяснить, как и почему в известное время возникли именно данные проблемы, и какова была их позднейшая судьба» [21, с. 11].

«Гегельянская» традиция в отечественной истории философии права была поддержана другим ученым конца XIX – начала XX в. – В. Вальденбергом. Вальденберг, определяя «историю политических учений как такую науку, которая ставит своей целью изучить исторический процесс в развитии учений о задачах государства и о средствах к осуществлению этих задач» [4, Стлб. 466], считал также, что для этой науки «идея закономерности», «идея развития по закону причинности» является базовой [4, Стлб. 471]. Но это исходное положение привело его, тем не менее, к выводу прямо противоположному, чем вывод Алексеева. В. Вальденберг писал: «Предметом политических учений являются чисто теоретические проблемы, в разрешении которых принимают участие не политические партии и общественные классы, но политические направления и философские школы, и которые мы рассматриваем вне их связи с какими бы то ни было исторически сложившимися политическими формами и экономическими организациями» [4, Стлб. 471]. По Вальденбергу получалось, что история политических учений – это поле чисто умозрительного дискурса, в котором закон причинности действует только между идеями и теориями, не связанными с внешними условиями и обстоятельствами и не зависящими от них.

Подтверждением нашего тезиса о содержательном тождестве истории философии права и истории политических учений в контексте государствоведческой науки России XIX – начала XX в. является формулировка В. Вальденберга 1897 г., относящаяся к предмету истории философии права: «Выяснить постепенное развитие философского мышления в сфере права и определить ценность отдельных систем с точки зрения гносеологической есть задача ... истории философии права»¹.

В начале XX в. в противовес «историческому идеализму» формируется целое направление в интерпретации причинных связей философско-политических идей и политико-правовой реальности².

В этой связи следует обратить внимание на реферат историка Р.Ю. Виппера «Политические теории во Франции в эпоху религиозных войн», опубликованном в 1896 г. в Журнале Народного Просвещения и в виде отдельной брошюры, а также реакцию на этот реферат философа и государствоведа П.И. Новгородцева.

В своем реферате Виппер обосновывает «ту мысль, что понять политические идеи можно лишь в связи со всей обстановкой жизни, среди которой они возникают, что их изучение нельзя ограничивать одной лишь логической связью абстрактных систем...» [6, с. 3]. Р.Ю. Виппер при этом совершенно не отрицает природу политической идеи как продукта человеческого мышления, как логической абстракции, но считает, что происхождение (детерминация) этой идеи следует искать не только в голове ученого, а представлять ее «как продукт некоторого сложного состояния, целой совокупности различных данных исторической жизни, сословной группировки, правительственной системы, экономических и культурных запросов, известного отношения об-

¹ Не трудно заметить точное совпадение этой формулировки *предмета истории философии права*, с определением *предмета истории политических учений*, которое дает Вальденберг в 1901 г. [5, с. 930].

² С критикой «гегельянской» схемы истории философии права, как мы отмечали выше, еще в 1880 г. выступал А.С. Алексеев. Таких позиций в то время придерживался и профессор Харьковского университета К.Н. Ярош. В вопросе о соотношении идей и реальности, этот автор формулирует два положения: 1) «Всякое философское и политическое учение, как бы, по-видимому, оно не было далеко от окружающей действительности, состоит постоянно с нею в ближайшей связи»; 2) «Философские и политические учения, имея корни в действительной жизни, оказывали действие обратное на неё» [25, с. 23–24, 25].

щества к своему прошлому...» [6, с. 5]. Не трудно заметить, что Виппер не сводит детерминационный базис философско-политической идеи только к институциональным факторам эпохи, а представляет его значительно шире, включая в него ментально-идеологические основания, традиции и т.п.

П.И. Новгородцев в целом высоко оценивая научную значимость положений Виппера, существенно развивает и уточняет подходы к интерпретации проблемы детерминации политических идей. Он считает, что существует методологическое различие в изучении политической идеи со стороны историка, с одной стороны, и со стороны философа, с другой. По мнению Новгородцева, совершенно очевидно, что историк ставит перед собой задачу «сблизить теорию с окружающей средой и ввести ее в цепь закономерного исторического процесса», [13, с. 43] и при этом историк, – подчеркивает далее П.И. Новгородцев, – «более объясняет действительность с помощью идей, чем идеи с помощью действительности; центр тяжести переносится на общий ход истории» [13, с. 44]. Но задача историка тем самым, по мнению Новгородцева, предопределяет некоторые пределы (границы) в интерпретации политической идеи, не позволяющие дать ответ на ряд важных вопросов. Например, на такие. Почему одну и ту же социальную действительность разные теории могут одновременно объяснять по-разному? Или почему во всемирной истории мы сталкиваемся с поразительной повторяемостью определенных идей, возникающих в различных социально-политических условиях?

Философ, по убеждению П.И. Новгородцева, не отбрасывая вывод о безусловной связи идей с историческими условиями, должен изучить внутреннюю (и самостоятельную) природу политической идеи. Для философа, по Новгородцеву, «главная задача состоит в том, чтобы понять идею или доктрину не как отражение своей эпохи, а как важное ... логическое построение» [13, с. 64]. Идея отражает не только свою эпоху, но содержит в себе генетическую память о предыдущих эпохах. Поэтому, по мнению П.И. Новгородцева, «логический объем доктрины всегда шире тех конкретных поводов, при которых она возникает» [13, с. 62].

Итак, существуют два основных подхода в интерпретации происхождения политической идеи – исторический и философский (логический). Но между ними, по мнению Новгородцева, нет и не может существовать барьеров. «Одна задача, – пишет он, – не исключает другой; это не более как необходимое разделение научной работы, которая затем ожидает своего синтеза» [13, с. 53].

Попытку такого синтеза предпринял М.М. Ковалевский, который в 1906 г. выпустил в свет обширный трехтомный труд под названием «От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму». Роль государства и его отражение в истории политических учений». Главную задачу своего труда Ковалевский формулирует следующим образом: «Моя книга – не история политических учений и еще менее – история учреждений. Это попытка показать, что обе стороны тесно связаны друг с другом и не могут быть поняты одна без другой» [10, с. III]. Такая задача является важной и злободневной, так как, по мнению М.М. Ковалевского, никто из его предшественников «не считал нужным показать более тесную зависимость политической мысли от политической жизни...» [10, с. III]. Именно для восполнения данного пробела в своем труде собирает и анализирует огромный исторический и идейный материал от Античности до Нового времени.

Одной из важнейших обобщающих идей, к которой приходит Ковалевский в своем исследовании является идея о постоянной эволюции политических концепций на различных витках человеческой истории, но не как результат имманентного развития самих идей о государстве и государственных системах (Чичерин), а как рефлексия относительно изменений реальных политических условий и учреждений¹.

¹ Один из ранних исследователей творчества М.М. Ковалевского – А.А. Боголепов в данном положении отметил «представление о вечном обновлении жизни человечества, в противоположность представлению о постоянстве и повторяемости форм ее...» [3, с. 23].

Если суммировать размышления ученых конца XIX – начала XX в. (Вишпер, Новгородцев, Ковалевский) о проблеме детерминаций философско-политических идей, то можно сделать вывод, состоящий из трех моментов: 1. Идея и исторические условия, в которых она существует, внутренне *связаны* друг с другом. 2. Эволюция идеи есть *отражение* эволюции условий. 3. Содержание идеи есть *совокупность* рефлексии конкретных условий и генетической памяти о прошлых эволюционных витках. К этим трем моментам в качестве четвертого положения можно добавить мысль Яроша (1881) о том, что идея не только зависима от условий, но и оказывает *обратное воздействие* на условия.

Чрезвычайно важным для понимания детерминаций философско-политических идей был и *вопрос о соотношении общемирового и конкретного исторического, специфически локального в развитии политических теорий*, а значит, и в понимании предмета истории философии права (истории политических учений). Он имеет целый ряд интересных и глубоких трактовок в российском дореволюционном государствоведении. Суть этих трактовок сводилась к мысли о том, что неправомерно, с научной точки зрения, механически переносить политические теории, выработанные в одних социальных условиях (например, Западной Европы), и применять их при анализе политических явлений и процессов других регионов, например, в России.

Приведем только два высказывания на эту тему.

А.Д. Градовский: «Для нас необходима государственная наука, – и притом не иноземная, а основанная на национальных началах государственной, земской жизни, а, следовательно, и научного государственного права» [7, с. 3].

А.Л. Блок: «Если бы мы “общее государственное право” изучали по одним западноевропейским образцам, то здесь нам пришлось бы применять и к славяно-русскому миру понятия, выработанные пока преимущественно лишь для романо-германских народов» [2, с. 1].

Вообще, вопрос о влиянии одних политических теорий на другие не такой простой, как может показаться на первый взгляд. Раньше, да и сейчас, была популярной так называемая «теория догоняющего развития». Ее применяли для объяснения процессов в странах (в частности, в России), которые «отставали» в своем социально-экономическом и научно-образовательном развитии от Западной Европы.

На примитивность такого объяснения обратил в свое время внимание Г.В. Плеханов: «Влияние литературы одной страны на литературу другой прямо пропорционально сходству общественных отношений этих стран. Оно совсем не существует, когда это сходство равняется нулю. Пример: африканские негры до сих пор не испытывали на себе ни малейшего влияния европейских литератур. Это влияние одностороннее, когда один народ по своей отсталости не может ничего дать другому ни в смысле формы, ни в смысле содержания. Пример: французская литература прошлого, влияя на русскую литературу, не испытала на себе ни малейшего русского влияния. Наконец, это влияние взаимно, когда вследствие сходства общественного быта, а следовательно, и культурного развития, каждый из двух обменивающихся народов может что-нибудь заимствовать у другого. Пример: французская литература, влияя на английскую, в свою очередь испытывала на себе ее влияние» [14, с. 658].

На основе этого положения в теории литературы сформировалась концепция взаимовлияния национальных литератур. Автор этой концепции – П.Н. Сакулин – приводит в этой связи высказывание Ж. Ренара: иден – это растения, которые могут переходить из страны в страну и там укрепляться лишь в том случае, если на новом месте они находят благоприятную почву и нужный климат, и заключает: «Влияние всегда явление второго порядка, и историку литературы следует выяснить генезис явления сначала из основных, туземных причин и потом уже анализировать влияния» [18, с. 115].

Безусловно, эти концептуальные положения, касающиеся истории литературного процесса, можно целиком применить и к истории политических учений.

Идеи и дискуссии отечественных ученых конца XIX – начала XX в. получили свое развитие в наши дни. У нас в стране и за рубежом сформировалось новое направление гуманитарных исследований под названием *интеллектуальная история*. Суть

этого направления заключается в разработке на основе современных знаний нового синтеза, который бы охватывал не только идеи, концепции, но и связывал идеи и реальную историю (контексты). Для интеллектуальной истории, по мнению отечественной исследовательницы Л.П. Репиной, «принципиальным становится учет взаимодействия, которое существует между движением идей и теми социальными, политическими, религиозными, культурными контекстами, в которых идеи возникают, распространяются и трансформируются» [17, с. 16]. Именно эта *взаимосвязь эволюционирующих идей и постоянно развивающегося социального контекста* (как основа интеллектуальной истории) и создает новую методологическую базу для исследований социально-политической динамики как в глобальном, так и в национальном масштабах. В этой модели динамики уже нельзя изучать отдельно идеи, а отдельно факты, события, а можно исследовать их синтез, взаимодействие.

Список литературы

1. Алексеев А. С. Задачи и методы истории политических теорий / А. С. Алексеев // Юридический вестник. – 1880. – Т. III. – С. 465–485.
2. Блок А. Л. Политическая литература в России и о России. Вступление в курс русского государственного права / А. Л. Блок. – Варшава, 1884.
3. Боголепов А. А. М.М. Ковалевский как историк политической мысли / А. А. Боголепов // Вестник Европы. – 1916. – № 7.
4. Вальденберг В. Э. История политических учений как наука / В. Э. Вальденберг // Право. – 1901. – № 9. – Стлб. 466.
5. Вальденберг В. Э. О задачах философии права / В. Э. Вальденберг // Вопросы философии и психологии. – Ноябрь–декабрь, 1897. – № 5 (40).
6. Вишпер Р. Ю. Политические теории во Франции в эпоху религиозных войн / Р. Ю. Вишпер. – Санкт-Петербург, 1896.
7. Градовский А. Д. Вступительная лекция по государственному праву, читанная в Санкт-Петербургском университете 10 октября 1866 г. / А. Д. Градовский // Собрание сочинений А. Д. Градовского. – Санкт-Петербург, 1899. – Т. 1.
8. Калмыков П. Д. Историческая часть энциклопедии законоведения / П. Д. Калмыков. – Санкт-Петербург, 1845.
9. Каченовский Д. И. Взгляд на историю политических наук в Европе / Д. И. Каченовский. – Москва, 1859.
10. Ковалевский М. М. От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму : в 3-х тт. / М. М. Ковалевский. – Москва, 1906. – Т. I.
11. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство / К. Н. Леонтьев // Избранное. – Москва, 1993.
12. Неволин К. А. Энциклопедия законоведения / К. А. Неволин. – Санкт-Петербург, 1997.
13. Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве [1902] / П. И. Новгородцев. – Санкт-Петербург, 2000.
14. Плеханов Г. В. К вопросу о роли монистического взгляда на историю : в 5 тт. / Г. В. Плеханов // Избранные философские произведения. – Москва, 1956. – Т. I.
15. Редкин П. Г. Из лекций по истории философии права в связи с историей философии вообще / П. Г. Редкин. – Санкт-Петербург, 1889. – Т. I.
16. Редкин П. Г. История политических учений / П. Г. Редкин. – Москва, 1869. – Ч. I.
17. Репина Л. П. Интеллектуальная история на рубеже XX–XXI веков / Л. П. Репина // Новая и новейшая история. – 2006. – № 1.
18. Сакулин П. Н. Филология и культурология / П. Н. Сакулин. – Москва, 1990.
19. Сборник программ для чтения по вопросам государственного строя. – Москва, 1906.
20. Силовский В. В. История литературы как науки / В. В. Силовский. – Санкт-Петербург, б. г.
21. Спекторский Е. Пособие к лекциям по истории философии права / Е. Спекторский. – Киев, 1918.
22. Чичерин Б. Н. История политических учений / Б. Н. Чичерин. – Москва, 1869. – Ч. I.
23. Шершеневич Г. Ф. История философии права / Г. Ф. Шершеневич. – Казань, 1904. – Вып. 1.
24. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права / Г. Ф. Шершеневич. – Москва, 1910. – Вып. 2.
25. Ярош К. Н. История идеи естественного права / К. Н. Ярош. – Санкт-Петербург, 1881. – Ч. 1. «Естественное право» у греков и римлян.

References

1. Alekseev A. S. Zadachi i metody istorii politicheskikh teoriy [Objectives and methods of the history of political theory]. *Yuridicheskii vestnik* [Legal Gazette], 1880, vol. III, pp. 465–485.
2. Blok A. L. *Politicheskaya literatura v Rossii i o Rossii. Vstuplenie v kurs russkogo gosudarstvennogo prava* [Political Literature in Russia and about Russia. Joining the course of Russian state law], Varshava, 1884.
3. Bogolepov A. A. M.M. Kovalevskiy kak istorik politicheskoy mysli [M. M. Kovalevsky as a historian of political thought]. *Vestnik Yevropy* [Herald of Europe], 1916. – № 7.
4. Valdenberg V. E. Istoriya politicheskikh ucheniy kak nauka [History of political doctrines as science]. *Pravo* [Law], 1901, no. 9, col. 466.
5. Valdenberg V. E. O zadachakh filosofii prava [Problems of Philosophy of Law]. *Voprosy filosofii i psikhologii* [Problems of Philosophy and Psychology], November–December, 1897, no. 5 (40).
6. Vipser R. Yu. *Politicheskie teorii vo Frantsii v epokhu religioznykh voyn* [Theories in France during the religious wars], Saint Petersburg, 1896.
7. Gradovskiy A. D. Vstupitelnaya lektsiya po gosudarstvennomu pravu, chitannaya v Sankt-Peterburgskom universitete 10 oktyabrya 1866 g. [Introductory lecture on constitutional law, read in St. Petersburg University, October 10, 1866]. *Sobranie sochineniy A. D. Gradovskogo* [Collected Works A. D. Gradovsky], Saint Petersburg, 1899, vol. 1.
8. Kalmykov P. D. *Istoricheskaya chast entsiklopedii zakonovedeniya* [Historical Encyclopedia of the jurisprudence], Saint Petersburg, 1845.
9. Kachenovskiy D. I. *Vzglyad na istoriyu politicheskikh nauk v Yevrope* [Look at the history of political science in Europe], Moscow, 1859.
10. Kovalevskiy M. M. *Ot pryamogo narodopravstva k predstavitelnomu i ot patriarkhalnoy monarkhii k parlamentarizmu* [From the direct popular rule to a representative from the patriarchal monarchy and parliamentarism], Moscow, 1906, vol. I.
11. Leontev K. N. Vizantizm i slavyanstvo [Byzantium and the Slavs]. *Izbrannoe* [Favorites], Moscow, 1993.
12. Nevolin K. A. *Entsiklopediya zakonovedeniya* [Encyclopedia of jurisprudence], Saint Petersburg, 1997.
13. Novgorodtsev P. I. *Kant i Gegel v ikh ucheniyakh o prave i gosudarstve [1902]* [Kant and Hegel in their teachings about the law and the state [1902]], Saint Petersburg, 2000.
14. Plekhanov G. V. K voprosu o roli monisticheskogo vzglyada na istoriyu [On the question of the role of the Monist View of History]. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected Philosophical Works], Moscow, 1956, vol. I.
15. Redkin P. G. *Iz lektsiy po istorii filosofii prava v svyazi s istoriey filosofii voobshche* [From lectures on the history of philosophy of law in connection with the history of philosophy in general], Saint Petersburg, 1889, vol. I.
16. Redkin P. G. *Istoriya politicheskikh ucheniy* [History of Political Ideas], Moscow, 1869, part I.
17. Repina L. P. *Intellectualnaya istoriya na rubezhe XX–XXI vekov* [Intellectual history at the turn of XX–XXI centuries]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Contemporary History], 2006, no. 1.
18. Sakulin P. N. *Filologiya i kulturologiya* [Literature and Cultural Studies], Moscow, 1990.
19. *Sbornik program dlya chteniya po voprosam gosudarstvennogo stroya* [Collection of programs for reading on the state system], Moscow, 1906.
20. Sipovskiy V. V. *Istoriya literatury kak nauki* [Literary History as a science], Saint Petersburg, without the year.
21. Spektorskiy Ye. *Posobie k lektsiyam po istorii filosofii prava* [Allowance for lectures on the history of philosophy of law], Kiev, 1918.
22. Chicherin B. N. *Istoriya politicheskikh ucheniy* [History of Political Ideas], Moskva, 1869, part I.
23. Shershenevich G. F. *Istoriya filosofii prava* [Philosophy History Law], Kazan, 1904, issue 1.
24. Shershenevich G. F. *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law], Moscow, 1910, issue 2.
25. Yarosh K. N. *Istoriya idei estestvennogo prava* [The history of the idea of the natural rights], Saint Petersburg, 1881, part I. "Natural Law" of the Greeks and Romans.